

Вечером, когда Цзян Шуяо вернулась после умывания, она увидела Бай Чжи, ведущую служанок во внутреннюю комнату, и спросила:

- Что вы делаете?

Бай Чжи сказала естественным тоном:

- Отвечаю госпоже, служанки застилают постель для хозяина.

- Застилаете... застилаете постель? - Цзян Шуяо не поняла.

- Ты, иди и обслужи госпожу, помоги ей распустить волосы. Ты, иди и пригласи господина лечь спать, скажи ему, что уже поздно и госпожа держит для него свет, - Бай Чжи разгладила одеяло и методично раздала указания служанкам.

Цзян Шуяо была ошарашена и остановила служанку, которая собиралась искать Се Сюня:

- Подождите, что происходит?

Бай Чжи удивленно сказала:

- Госпожа, вы все еще хотите позволить хозяину спать сегодня на скамейке?

Естественно, она не хотела, чтобы Се Сюнь спал на скамейке. Он высокий, ему вредно спать на короткой скамейке, но и делить одну кровать тоже нехорошо!

Увидев нерешительность Цзян Шуяо, Бай Чжи понимающе улыбнулась и бросила взгляд на служанку, которая радостно выбежала.

Бай Чжи подошла к ней с улыбкой в глазах и прошептала:

- Госпожа, вы с господином так давно женаты, а все еще спите в разных комнатах. Как это может быть разумно?

Цзян Шуяо с сомнением сказала:

- Но мы не... - не супружеская пара, которая влюблена друг в друга. И она хотела спать одна в большой кровати.

Бай Чжи решила, что она стесняется и намеренно перевела разговор в другое русло:

- Мисс, позвольте мне помочь вам распустить волосы.

Цзян Шуяо наполовину подтолкнули, наполовину помогли сесть перед туалетным зеркалом, и только когда Бай Чжи начала распускать прическу, она, наконец, поняла суть:

- Тогда ты не можешь специально пригласить его, может быть, он пришел только вчера вечером, потому что увидел, что я напугана, а сегодня не захочет присматривать за мной...

Прежде чем она закончила говорить, Се Сюнь уже прибыл.

Цзян Шуяо: ...

Неужели кабинет находится так близко к восточному крылу? Почему он так быстро пришел?

Се Сюнь вошел и увидел, что Цзян Шуяо все еще расплетает волосы, и подсознательно ждал рядом с ней. Неизвестно, когда это началось. Он привык ждать Цзян Шуяо, тихо охраняя ее в стороне, пока она что-то делает.

Когда Бай Чжи разобрала сложный пучок, оставив только золотую заколку, удерживающую верхнюю часть ее черных волос, она вдруг остановилась и поклонилась:

- Эта служанка уходит, - сразу же после того, как она закончила говорить, она исчезла.

Цзян Шуяо обычно просила Бай Чжи распустить пучок и ложилась спать с распущенными волосами, но сейчас у нее на голове все еще была золотая заколка, поэтому она подумала, что Бай Чжи по неосторожности забыла ее. Пробормотав что-то, она протянула руку, чтобы вытащить золотую заколку.

Ее украшения были изящными и витиеватыми, украшенными бисерными кисточками, поэтому случайное движение зацепило прядь волос. Она нетерпеливо дернула еще раз, но вместо того, чтобы стянуть заколку, она запуталась еще больше.

Пламя свечи было тусклым, а бронзовое зеркало - мутным, поэтому Цзян Шуяо подалась вперед и попыталась увидеть более четко, чтобы распутать пряди.

- Я сделаю это, - сверху вдруг раздался ясный голос. Цзян Шуяо замерла, и Се Сюнь плавно взял раскачивающуюся золотую шпильку. Кончики его пальцев коснулись пальцев Цзян Шуяо, и она, словно ошпаренная, тут же убрала руку.

В комнате было так тихо, что даже треск горячей свечи казался громким.

Его голос был мягким, и в нем была неопиcуемая нежность. Когда он подошел ближе, Цзян Шуяо почувствовала аромат свежих чернил, и ее сердцебиение бессознательно ускорилоcь.

Се Сюнь наклонился и аккуратно распутал ее волосы. После того, как он вытащил золотую заколку, ее волосы цвета чернил были похожи на воду и мгновенно растеклись, скользнув по тыльной стороне его ладони, как шелк. Прохладное прикосновение ползло вверх от тыльной стороны руки к сердцу, заставляя его невольно затаить дыхание.

Цзян Шуяо посмотрела на него через бронзовое зеркало и поспешно опустила глаза, когда он тоже перевел на нее взгляд. Она встала и сказала с притворным спокойствием:

- Давайте отдыхать.

Се Сюнь кивнул и последовал за ней во внутреннюю комнату. Он подошел к мягкой скамейке и обнаружил, что на ней не только нет одеяла, но даже мягкая подушка исчезла.

Он повернул голову, чтобы озадаченно посмотреть на Цзян Шуяо:

- Это...?

Цзян Шуяо помолчала несколько секунд, а затем, бросив думать обо всех перипетиях и больше не заикливаясь на этом, она прямо сказала:

- Сегодня вы спите на кровати.

Се Сюнь колебался:

- А ты?

Когда Цзян Шуяо услышала его тон, то поняла, что думает не в том направлении, поэтому смутилась еще больше:

- Я тоже буду спать на кровати.

Несколько секунд в воздухе стояла тишина, прежде чем Се Сюнь нерешительно издал звук: «Хм?»

Цзян Шуяо забралась в кровать и раздвинула два одеяла, чтобы получился широкий проход для одного человека:

- Вам вредно спать на скамейке.

Это было объяснением.

Се Сюнь стоял на месте, заставляя Цзян Шуяо еще больше смущаться.

- Эй! - ее лицо было горячим, но она притворилась свирепой и сказала, - Чего вы ждете? Не собираетесь спать?

Сказав это, она легла на внутреннюю сторону кровати, лицом к стене, и завернулась в одеяло словно куколка цикады. Се Сюнь посмотрел на ее затылок, и спустя долгое время подошел, не зная, что делать со своими руками и ногами. Он очень осторожно забрался на кровать, его голос был холодным, как всегда, но немного жестким и дрожащим:

- Я гашу свет.

- Мм.

Се Сюнь задул свечу свет и медленно лег снаружи.

В доме было так тихо, что ему казалось, будто комната наполнена звуком биения его собственного сердца. Он поднял руку и прижал ее к сердцу, боясь, что Цзян Шуяо услышит этот звук.

Когда Се Сюнь лежал под боком, Цзян Шуяо больше не боялась, но заснуть было еще труднее, чем вчера. Она переместилась из положения лежа на боку на спину и уставилась на верхнюю часть кровати.

Се Сюнь не смел пошевелиться, но когда он услышал ее дыхание, то понял, что она не спит. Он не выдержал молчания и спросил:

- Не можешь уснуть?

Он редко говорил таким нарочито мягким голосом, что вызвало у Цзян Шуяо ощущение, будто он шепчет ей на ухо, и ее сердце защемило.

- Ммм, - она невнятно ответила и поспешно нашла оправдание, - Слишком жарко.

Впервые Се Сюню было так трудно с кем-то разговаривать. Он сухо сказал:

- Да, здесь немного жарко.

Затем, опасаясь, что фраза может оказаться слишком короткой и отточенной, он продолжил:

- В восточном крыле гораздо прохладнее и больше воздуха, чем в кабинете.

- ...

- Кровать также намного мягче и просторнее, а лунный свет ярче, - продолжал добавлять Се Сюнь.

Цзян Шуяо уставилась на верхнюю часть кровати, особенно желая поднести руку к зубам и вгрызться в нее, чтобы предотвратить странные звуки.

Это то, что она думает? Неужели Се Сюнь пытается на что-то намекнуть? Он намекал, что хочет вернуться в восточное крыло?

Когда Се Сюнь увидел, что она не отвечает, он искоса посмотрел на нее. Как раз перед тем, как повернуть шею, он почувствовал себя неловко, поэтому он просто развернулся всем телом и лег на бок, чтобы смотреть ей в лицо.

Почувствовав его движения, Цзян Шуяо напряглась. Как раз в тот момент, когда его взгляд должен был упасть на ее лицо, она вдруг яростно крикнула:

- Повернись!

Се Сюнь, который только что лежал на боку и еще не успел приспособиться, чтобы лечь удобно, пораженно застыл, а потом быстро повернулся обратно, чтобы лечь ровно, и кротко произнес «ох».

В воздухе снова воцарилась тишина.

Цзян Шуяо поняла, что тон ее голоса сейчас показался немного резким. Она хотела объяснить, но не знала как. Однако Се Сюнь не мог дольше выносить молчание. Он снова заговорил:

- Ты собираешься завтра обедать вместе с второй невесткой?

- Да, - когда Се Сюнь заговорил об обеде, Цзян Шуяо вдруг вспомнила, - Точно, в эти дни я забыла приготовить для вас коробку с обедом, извините.

- Не нужно извиняться, - когда Се Сюнь заговорил, он по привычке хотел повернуть голову, чтобы посмотреть на нее, но вспомнил, как она кричала раньше, и быстро сдержал свой порыв, - Если ты занята и устала, можешь не готовить для меня обед, это не проблема.

- Так не пойдет, я вам обещала.

Се Сюнь на мгновение замешкался и наполовину выдавил:

- ... Тогда я тебя побеспокою.

Он попытался подавить приподнимающиеся уголки рта, но не смог. Наконец, ему стало все равно, в любом случае здесь было темно, никто не сможет этого увидеть.

Хотя атмосфера была немного двусмысленной и напряженной, в ней царило какое-то теплое умиротворение. Они вдвоем уставились на потолок и через некоторое время заснули.

На следующий день Цзян Шуяо проснулась до рассвета. Она села и потянулась, как обычно, и приготовилась поднять одеяло, чтобы встать с кровати, но едва она коснулась угла одеяла, как тут же проснулась и посмотрела на Се Сюня, который лежал рядом с ней и крепко спал.

Его спящее лицо было совсем другим, чернильно-черные волосы делали его кожу белой, как нефрит, а ресницы были длинными и густыми. Когда он спал, он не был таким холодным и морозным, как днем. На самом деле в нем было тихое спокойствие.

Цзян Шуяо не понимала, что с ней происходит. Внезапно она не удержалась, поджала губы и улыбнулась, после чего осторожно подползла к краю кровати, изо всех сил стараясь вести себя тихо, чтобы не потревожить его.

Се Сюнь спал неглубоко, и когда он почувствовал легкое сотрясение кровати, он открыл глаза в сонном оцепенении и увидел, как Цзян Шуяо выползает, перебираясь через его тело.

Вырез ее сорочки свободно висел, обнажая участок белой нежной кожи, линии которой постепенно изгибались, уходя вглубь...

Се Сюнь, который только что проснулся, все еще был в замешательстве и уставился, ошеломленно глядя на внутренний пейзаж. Прошло две секунды, прежде чем он внезапно отреагировал на то, что увидел. Какой бы тяжелой ни была его сонливость в это время, все это прошло, а чувство удивления, словно электрический ток, пронеслось по позвоночнику, заставив кожу головы онеметь.

Он рывком поднялся с кровати, двигаясь так сильно, что напугал Цзян Шуяо, заставив ее уклониться. В разгар хаоса Се Сюнь почти столкнулся с Цзян Шуяо.

Бум... - в этот момент он откинулся назад и ударился головой о столбик кровати.

Бах... - от боли отскочил назад и врезался в кровать.

Наконец, в комнате воцарилась полная тишина.

Цзян Шуяо тихо подползла к краю кровати, посмотрела на Се Сюня, который скатился на пол, и осторожно спросила:

- Все в порядке?

□

Се Сюнь прибыл в Восточный дворец с коробкой еды и синяком на лбу.

Было неизбежно, что толпа будет тихо сплетничать, раздавая свитки и обсуждая дела. Одни предполагали одно, другие - другое, и в конце концов все пришли к ужасному выводу - синяк на лбу Се Боюаня был нанесен его замечательной женой.

Когда они встретились на пирсе в тот день, его жена была яркой и нежной женщиной, которая явно не походила на грубую и неуправляемую мегеру. Но кажется, никто не совершенен и ничто не идеально в этом мире. Если вы наслаждаетесь благословением, иногда вас могут побить.

Толпа выразила сочувствие Се Сюню, одновременно спокойно и бесстыдно утешая себя.

Теперь, когда погода стала жаркой, остывшие блюда, приготовленные в Восточном дворце, были не такими уж невыносимыми. Линь Чэн сидел напротив Се Сюня и наблюдал, как его друг снова начал приносить коробки с едой на службу, что вызывало зависть. Сделав глоток остывшего мясного супа, Линь Чэн утешил себя: день жаркий, никому нет дела до горячей еды Се Сюня.

Из-за того, что еда, которую обычно ест Се Сюнь, горячая, обычно она наполняет комнату ароматом, от которого у всех текут слюнки. Однако, к его удивлению, Се Сюнь не стал разогревать обед, как обычно, а сразу открыл крышку коробки с едой и приготовился есть.

Факт доказали, что Линь Чэн был неправ. Даже без разогрева еда Се Сюня также могла наполнить комнату ароматом. В нос ворвался кисло-сладкий свежий аромат, неясно смешанный с соленой пикантной свежестью. Линь Чэн не мог не посмотреть в сторону Се Сюня.

Поскольку Цзян Шуяо боялась, что суп из холодной лапши прольется, на этот раз Се Сюнь принес огромную селадоновую чашку, в которой был прозрачный светло-коричневый суп, полный богатых ингредиентов, с темной холодной лапшой, прядями желто-белого измельченного омлета, красным пряным соусом, полукружьями вареных яиц и тонко шинкованными зелеными огурцами... Поверхность супа была присыпана слоем обжаренного кунжута. Глядя на это богатство красок, нестерпимо хотелось попробовать.

Почувствовав прохладный, кисло-сладкий аромат и глядя на разноцветную холодную лапшу,

Линь Чэн сглотнул слюну: ... Ненавижу это!

Се Сюнь слегка помешивал ингредиенты. Большая чашка была наполнена слишком большим количеством, и перемешивать ее было немного трудоемко.

Линь Чэн задался вопросом:

- Где ваш дом приобрел такую большую чашу? Сможешь ли ты ее доесть?

Се Сюнь ответил:

- Я не знаю, моя жена купила ее.

Линь Чэн внутренне оставил в своем сердце две дорожки слез, разве ответ не был очевиден? Почему, почему он вообще задал этот вопрос?

Се Сюнь перемешал холодную лапшу и с предвкушением отправил в рот большую порцию.

Лен-миянь была сделана из гречневой лапши. Ее мягкая и гладкая текстура была покрыта прохладной, кисло-сладкой суповой основой. Свежая и пряная, легкая и вкусная лапша становилась еще вкуснее по мере жевания.

В качестве суповой основы использовался куриный бульон, процеженный до тех пор, пока он не стал прозрачным и вкусным. Цзян Шуяо добавила чили, перец, коричневый сахар, рисовый уксус, грушевый сок, яблочный сок и другие приправы. Сладко-кислый, резкий, острый и терпкий, он охлаждал и увлажнял горло, неизменно возбуждая аппетит.

К холодной лапше прилагались нашинкованный огурец и измельченный яичный омлет. Если жевать все вместе, они приносили одновременно свежий вкус и мягкий яичный аромат. Суп пропитывал каждый ингредиент, но за счет своей легкости он не лишал ингредиенты их оригинального вкуса, вместо этого он окрасил их вкусом умами.

Супа было много, и при еде неизбежно раздавался легкий звук, от которого у Линь Чэна потекла слюна. Он смиренно проговорил:

- В этой чашке много всего.

- Мм... - Се Сюнь был занят едой.

- Почему эта лапша пахнет кисло и сладко, и выглядит так, будто она холодная? - видя, что Се Сюнь не может понять, он просто сказал прямо, - Можешь дать мне попробовать?

Се Сюнь посмотрел на чашку холодной лапши, ее было много, поэтому он согласился и дал немного Линь Чэну. Взяв маленькую чашечку, Линь Чэн не мог дождаться, чтобы съесть ее. Холодная лапша была свежей, кисло-сладкой, и на вкус была даже лучше, чем на запах.

Сначала он съел куриные фрикадельки. Они были нежными, но упругими, а суп был восхитительным. Свежесть курицы и кисло-сладкий суп были идеальным сочетанием. Он почувствовал себя свежим и полным сил после того, как съел одну.

Порывшись в чашке в поисках куриных фрикаделек, Линь Чэн съел все гарниры: нашинкованный огурец был хрустящим, омлет - мягким, и даже обычное вареное яйцо, пропитанное супом, имело мягкий яичный вкус и долгое послевкусие.

Линь Чэн больше всего полюбил красную пряную капусту, хрустящую, соленую, с кисло-сладким привкусом, очень аппетитную. Если есть ее с рисом и белым мясом, он мог бы в одиночку уничтожить большую миску пряной капусты.

Повернув палочками, он намотал большую порцию холодной лапши, широко открыл рот и запихнул ее внутрь. Медленно жуя, он ощущал вкус различных ингредиентов, что было невероятно приятно. Съев сухие ингредиенты, он взял чашку и выпил суп, чувствуя, как прохлада медленно скользит по горлу, а раздражение от жары мгновенно сменяется освежающим удовольствием.

Кисло-сладкий вкус происходил не только из сахара и рисового уксуса, но и грушевого и яблочного соков, поэтому он был особенно освежающим. Свежесть куриного супа была пикантным фоном, поэтому вкус не был тяжелым, но имел длительное послевкусие.

Линь Чэн съел свою маленькую чашку дочиста, причмокнул губами и погрузился в молчание. Он посмотрел на Се Сюня, который увлеченно ел, потом на свою маленькую чашку, в которой не осталось ни капли супа, а затем на обед Восточного дворца перед ним. Он сразу же почувствовал, что еда из Восточного дворца на вкус как воск, и он совсем не может ее есть.

Линь Чэн ненавидел это! Лучше было вообще ничего не есть. Он не только не удовлетворил свою жажду, съев эту чашку лапши, но лишь еще больше раздражил свой аппетит.

*Холодная лапша Лен-миянь. Очень похоже на корейскую лапшу нэнгмён